

Наталья Громова

Фильм «Закон жизни» в судьбе сценариста Сергея Ермолинского и писателя Александра Авдеенко

На допросах Сергея Ермолинского, темами связанным в первую очередь его дружбой с Михаилом Булгаковым, вошел еще один неожиданный сюжет. От него стали требовать показаний о фильме, к которому он почти не имел никакого отношения, но, почему-то оказался по нему единственным ответчиком. Что еще раз подтверждает истину о том, что жизнь сочиняет истории интереснее любых сценариев.

В конце 1939 года молодые режиссеры А.Столпер и Б.Иванов попросили Ермолинского переработать сценарий писателя А.Авдеенко «Закон жизни».

Александр Авдеенко в то время был знаменитым писателем-шахтером из Донбасса, «ударником, выдвинутым в литературу». Вышедший из беспризорников, поработавший на строительстве Магнитки, Авдеенко был участником знаменитой поездки писателей на Беломорканал имени Сталина. Его роман «Я люблю» высоко оценил Максим Горький, который, впрочем, дорабатывался за шахтером маститыми писателями.

На 1 съезде писателей Авдеенко произнес речь, обращенную к Сталину, и в частности там были такие слова: «Я пишу книги. Я — писатель, я мечтаю создать незабываемое произведение, — всё благодаря тебе, великий воспитатель Сталин... Когда моя любимая девушка родит мне ребёнка, первое слово, которому я его научу, будет — Сталин».

С Авдеенко происходили разнообразные приключения – что стоит только предложение крупного НКВДшного чина поехать в форме чекиста еще раз на канал, чтобы собрать материал для будущего романа. Но эксперимент кончился полным провалом Авдеенко, он стал выпрашивать у заключенных слишком много лишнего, и после очередного острого разговора с лагерным начальством о судьбах арестованных, был изгнан с канала. Однако это не помешало ему писать романы и сочинять сценарии.

И вот бывший шахтер, а теперь известный писатель Александр Авдеенко в конце 30-х годов создал для кино современную историю, про партийного разложенеца - секретаря комсомола - Огнерубова. Его подлинное лицо раскрывалось в сцене комсомольской гулянки, когда Огнерубов пытался совратить главную героиню. Негодяю противостоял положительный Сергей Паромов, влюбленный в девушку, но коварному секретарю удавалось на время их разлучить.

Тема и пафос сценария были вполне объяснимы: в течение пяти лет до появления фильма арестовывались и судились за шпионаж, разврат и разложение именно крупные партийные и комсомольские работники. Даже несчастный доктор, лечивший Горького, был обвинен не только в отравлении великого пролетарского писателя, но и в том, что укусил за грудь... медсестру. Все это не могло не найти хотя бы косвенного отражения в литературе и в кино. Но правдоподобно изобразить такой тип врага было не так-то просто. До поры до времени казалось, что Авдеенко это удалось.

Автор фильма вспоминал в своей автобиографической повести: «Написал киносценарий «Закон жизни». О современной молодежи, студентах медицинского института. О молодых чувствах,

ревности, заблуждениях, счастливых обретениях. Не скрою: сценарий мне казался значительным по теме, остросюжетным, с убедительно выписанными характерами. Мосфильм одобрил его. Быстро нашлись и постановщики — молодые режиссеры Александр Столпер и Борис Иванов. Они приехали ко мне в Донбасс, жаждущие прорваться на большой экран, надеясь на мое содействие».

Фильм «Закон жизни» был уже снят, а Авдеенко, будучи спецкором газеты «Правда» в это время объезжал с войсками «освобожденные земли» Западной Белоруссии и Украины. Он даже не успел посмотреть, что за картина получилась у режиссеров. А фильм перед выходом на экраны - показали в ЦК ВЛКСМ. Комсомольские вожаки пришли в ужас: им не понравилось, как в «Законе жизни» выглядела комсомольская верхушка и они потребовали переделок. Вот тут у молодые режиссеры бросились к маститому кинодраматургу - С.А.Ермолинскому. В сценарий были внесены поправки, и он был принят и утвержден самим Вышинским, который в тот момент курировал вопросы культуры, и фильм снова запустили в производство. То, что «Закон жизни» был одобрен самим Вышинским, показывает, что никто в стране не мог точно предугадать зигзаги сталинской внутренней политики.

В августе 1940 года фильм вышел на экраны.

«В это утро, 16 августа, - вспоминал Александр Авдеенко, - я направился по Крещатику к бульвару Шевченко. В глаза бросались огромные, в ярких красках, афиши, рекламирующие фильм «Закон жизни», который в этот день выходил на экраны Киева. Поперек Крещатики, на уровне третьих этажей, протянуты белые транспаранты, тоже рекламирующие фильм. Эта феерия, кажется, устроена специально для меня.

Кинотеатры открываются с одиннадцати часов. Сейчас только восемь. Как долго ждать первого сеанса!

Вероятно, в Киеве никто так не хотел посмотреть этот фильм, как я. Дело в том, что я не успел посмотреть картину ни в законченном виде, ни в сыром. Правда, режиссеры Столпер и Иванов сообщили телеграммой, что все в порядке, фильм получил высокую оценку в Комитете по делам кинематографии и у заместителя председателя Совнаркома Вышинского. В «Известиях», «Кино» и других газетах появились статьи, положительно оценивающие фильм. И все-таки я с нетерпением ждал одиннадцати часов. Никто не может так определенно сказать, как автор, то или не то вышло, что задумано.

Перед отъездом в Киев я получил письмо из Москвы, от редактора и кинокритика Ильи Вайсфельда.

«Дорогой Саша.

...Задумал я написать Вам письмо еще до Вашего обращения к Полонскому, а написал — после. Теперь это — самое настоящее обращение сценарного отдела к писателю Авдеенко с предложением написать для Мосфильма сценарий, а не только мое личное послание Саше Авдеенко.

Прежде всего от души поздравляю Вас с «Законом жизни» — получилась настоящая, хорошая картина. Публика на нашей студии смотрит картину по 2–3 раза с захватывающим (действительно захватывающим) интересом. В мосфильмовской многотиражке дана полоса, посвященная картине. Картину ждет большой успех у зрителя, в этом сомневаться не приходится. В общем, несмотря на все трудности и даже компромиссы, «Закон» — все же большая творческая удача и Ваша, и

режиссерская.

В связи с этим нам со Стоппером пришла мысль: не написать ли сценарий второй серии «Закона» — герои «Закона» на месте своей новой работы. Это должна быть самостоятельная картина, имеющая свою тему независимо от первой серии, но продолжающая линию морально-этических, публицистически-заостренных фильмов. Причем не хотелось бы, чтобы это был специфически медицинский фильм (по роду занятий героев). Пусть лучше Наташа и др. столкнутся на месте с новыми людьми — хорошими и не совсем хорошими, — но не только с медиками. Темой сценария, говоря общо, должно быть активное, творческое отношение к жизни, романтика будней.

Подумайте по поводу этих, пока еще бегло изложенных соображений и сообщите о своих темах и предложениях. Встретимся — и все уточним. Заверяю Вас, что Мосфильм и персонально Полонский хотят, чтобы Вы срочно писали для нас сценарий.

Крепко жму руку. Ваш И. Вайсфельд».

Но к середине того августовского дня картина кардинально меняется. Авдеенко видит, как по всему городу снимают афиши, заклеивая их другими, а и на тумбах появляется текст газеты «Правда» следующего содержания.

Фальшивый фильм (О кинокартине «Закон жизни» студии «Мосфильм»).

«Недавно на экранах появилась новая кинокартина «Закон жизни», выпущенная студией «Мосфильм». Кинокартина с таким многообещающим названием поставлена по сценарию А. Авдеенко, режиссерами А. Стоппер и Б. Ивановым.

Картину «Закон жизни» можно было бы считать просто одной из плохих картин, выпущенных за последнее время, если бы не некоторые особенности этого фильма. <...>Если выразаться точно, фильм "Закон жизни" - клевета на нашу студенческую молодежь.

Клеветнический характер фильма особенно ярко проявляется в сценах вечеринки студентов-выпускников медицинского института. Авторы фильма изобразили вечер выпускников в институте, как пьяную оргию; студенты и студентки напиваются до галлюцинаций. Авторы фильма смакуют эти подробности, еще и еще раз в десятках кадров показывают сцены бесшабашного пьяного разгула. И по фильму ни администрация института, ни общественные организации, ни сами студенты, завтрашние врачи, не только не останавливают, не прекращают этого безобразия, но и сами принимают в нем активное участие. Где видели авторы подобные сцены? Где видели авторы, чтобы наша студенческая молодежь походила на изображенные ими подонки буржуазной морали?»

Далее идет длинный пересказ фильма, где однообразно перечисляются все его лживые стороны. Заканчивалась статья так.

«В конце концов, почему фильм называется «Закон жизни»? В чем состоит существо так называемого «закона жизни»? Как видно, содержание «закона жизни», сформулировано Огнерубовым: он имеет право беспорядочно любить, он имеет право менять девушек, он имеет право бросать их после того, как он использует их, так как «закон жизни» состоит в наслаждение, переходящем в распущенность. По сути дела, авторы фильма должны были закончить фильм торжеством «закона жизни», торжеством философии Огнерубова. Но так как авторы фильма трусят перед нашим общественным мнением, то они отдали ему дань и кончили дело провалом Огнерубова и его «закона жизни». В этом основа фальши фильма. <...> Это не закон жизни, а

гнилая философия распущенности».

Текст статьи «Правды», как выяснилось в последствии, почти целиком был написан Сталиным возмущенным этим фильмом до глубины души. Об этом Авдеенко потом шепнули в самой газете, где он состоял спец-корреспондентом.

То, что произошло с незадачливым сценаристом, трудно описать словами, он действительно был «как громом поражен». Жизнь, как он вспоминал, разорвалась надвое.

«Подписи под статьей не было, - писал Авдеенко. Медленно, строку за строкой, читал статью, выпитывал каплю за каплей яд. Вопиющая, бессовестная неправда! Все извращено, оклеветано. Я ненавижу Огнерубова, люблю Паромова. Это же ясно. Проповедую одну-единственную мораль — коммунистическую! Мне хотелось кричать, протестовать, жаловаться, доказывать правоту. Но я молча стоял перед газетой. Холодел, старел, терял силы. Рядом кто-то изумленно воскликнул:

— Ну и ну! Выдали!»

Конечно же, насмерть перепуганный автор фильма едет в Москву. Тем более, что его в тот же день вызвали телеграммой в ЦК партии. В Москве он сидел и ждал. Но ничего не происходило. Как вспоминал Авдеенко в те дни пришло сообщение из Мексики об убийстве ледорубом Льва Троцкого. Возможно, положительный эффект этого события перебил эффект от раздражения Сталина от «порочного» фильма. Однако уже

9 сентября 1939 года Авдеенко вместе с двумя режиссерами был вызван на совещание в Кремль. В зале помимо партийных деятелей сидели А.Фадеев, Н.Асеев, В.Катаев, В.Тренев и некоторые другие писатели. Заседание вел товарищ Жданов.

Из стенограммы совещания в ЦК ВКП (б) «В связи с вопросом о фильме «Закон жизни» Авдеенко А.О.». 9 сентября 1940 года.

А. Столпер (режиссер)

«...Мы прочитали сценарий Авдеенко и стоял вопрос о том, чтобы во что бы то ни стало над ним работать. Мы, вместе с Авдеенко, начали переделывать сценарий. Затем была вторая переделка в режиссерском стиле, сценарий резко перерабатывался. Это тянулось

месяца 2-3. Нам казалось, что мы исправили те ошибки, которые обнаружили, но мы их не исправили, а глотали, мы к ним приюхались....»

В выступлении Сталина часто слово в слово повторялись пассажи из статьи в «Правде» - «Фальшивый фильм». Но были и новые пассажи.

И. Сталин

«...Я бы предпочел, чтобы нам давали врагов не как извергов, а как людей враждебных нашему обществу, но не лишенных некоторых человеческих черт.Почему Бухарина не изобразить, каким бы он ни был чудовищем, а у него есть какие-то человеческие черты. Троцкий - враг, но он способный человек, бесспорно, - изобразить его как врага, имеющего отрицательные черты, но и имеющего хорошие качества, потому что они у него были, бесспорно....

...Человек самоуверенный, пишет законы жизни для людей, - чуть ли не монопольное воспитание молодежи. Законы. Вот какая ошибка была с 1934 года. Если бы его не предупреждали, не поправляли, — это было бы другое дело, но тут были предупреждения и со стороны ЦК, и рецензия в «Правде», а он свое дело продолжает. Влезать в душу - не мое дело, но

и наивным не хочу быть. Я думаю, что он человек вражеского охвостья - Саркисова, Кабакова, - и он с врагами перекликается: - живу среди дураков, все равно мои произведения пропустят, не заметят, деньги получу, а кому нужно, поймет, а дураки - чёрт с ними, пускай в дураках и остаются».

Хотя Авдеенко был ни жив, ни мертв, он вспоминал, что Сталин то входил, то выходил из-за колонны, попыхивая трубкой и перебивая докладчиков. Но главное, рабочему писателю показалось, что он видит совсем не того Сталина, которому клялся в любви и которого всегда себе представлял. «Смотрю на Сталина и не верю, что это он. Очень непохож на себя. Куда подевалось доброе, обаятельное лицо, известное по кинокадрам, фотографиям, портретам, монументам, бюстам. Вместо любимого, величественного облика вождя вижу более чем обыкновенную желтовато-смуглую физиономию, густо изрытую оспой. И рост совсем не внушительный. Ниже среднего. Пожалуй, даже малый. Узкоплечий, узкогрудый человек. Сильно разреженные седеющие волосы будто натерты черным варом. На макушке идеально круглая лысина, словно тонзура ксендза. Левая рука неподвижна, полусогнута, не то повреждена, не то парализована. Только усы густые, рыжеватые, растрепанные, похожи на сталинские. Все остальное неуклюже сработано. Актер, загримированный под вождя. Актер, бездарно исполняющий роль великого Сталина. Актер, грубо утрирующий манеры Сталина...».

После того, как закончилось заседание авторы фильма сидели и ждали ареста. Все ушли из зала, но за ними никто не приходил. Тогда они на плохо слушающихся ногах дошли до выхода из Кремля. Вышли на улицу. Но и тут никого не оказалось. На улице, не имея сил больше идти, упали на откос возле ворот Кремля и некоторое время лежали; их словно парализовало. А потом молча встали и разошлись в разные стороны.

...Писатель Авдеенко, ошельмованный, преданный самим Сталиным настоящей партийной анафеме шел домой, ожидая, а может уже мечтая об аресте. Жить было нестерпимо. Но энкаведэшники за ним так и не пришли, правда спустя несколько дней его выгнали из партии, из Союза писателей и выселили из квартиры.

Но прервем рассказ о главном герое этой драмы и вернемся к Ермолинскому. В те дни он был Ялте, где дорабатывал с Евгением Габриловичем сценарий фильма «Машенька». И писал своей жене Марике из Коктебеля:

«Коктебель, 12 сентября 1940

Машенька, прости, что я не сразу пишу тебе, но все не могу собраться. Вот как проходит день: встаю часов в семь, до девяти сижу около моря, утра—тихие, солнечные, в девять завтракаю, потом садимся с Женей¹ за работу. Начинается коктебельский ветерок. Окна в моем «фонаре» настезь—как будто летим в море, которое синее во всех окнах! Работаем без обеда. <...>.

Женя живет в комнате Ильченко², а я в «фонаре», который заботливо приготовлен для двоих— все тебя тут ждали, огорчались, расспрашивали про тебя. У Марии Степановны (Волошиной)³ я бываю редко, мало времени. <...>.

1 Имеется в виду кинодраматург *Евгений Иосифович Габрилович* (1899–1993).

2 Скорее всего, речь идет об Ильченко Данииле Ивановиче, актере (1895-1977).

3 *Мария Степановна Волошина*— вдова поэта Максимилиана Александровича Волошина. .

Народ живет разный. У нас тут—Всеволод Иванов со своим замком Тамарой⁴ и детьми, Ляшко⁵, собирающий камни и блуждающий по горам и пляжам с чемоданом в руках, Габричевский⁶ в коктейбельских коротких штанах и страдающий поносом, с ним его «новая», а «бывшая», т.е. Наташа⁷, тоже здесь и тоже со своим «новым», потом, как обычно, несколько нацменшинских литераторов—Бровко⁸ и Глебо⁹, и один узбек, и один татарин. В Ленинградском доме—Зоценко, унылый ипохондрик, мрачно разгуливающий по аллеям, старый паяц Типот¹⁰, группочка “младореформистов” в пижамах и с теннисными ракетками. Недавно уехала Златогорова¹¹, малокровная, безбровая, горбоносая красавица со своим мужем Меттером¹², неким ленинградским писателем, написавшим повесть о том, как он отбил свою Тату у Каплера¹³. Сегодня уезжает Василий Алексеевич Десницкий¹⁴, профессор литературных наук, эдакий дядя Федя¹⁵, только помоложе, великий собиратель фернампиксов, владеющий одной из лучших коллекций, каменный властелин. Ходил он в Козы и возвращался оттуда победителем. И бежал впереди него Ляшко, рыл, рыл, рыл, копал, искал—но напрасно. На тех же местах находил Десницкий прозрачные сердолики, розовые, нежные...

Застал здесь и Крымова¹⁶, который пришел ко мне, едва я только расположился и приступил к бритью после дороги. Вместе с четой Крымова мы проводили симпатичного человечка—Виссариона Саянова¹⁷.

Вот и все. Вот и моя коктейбельская жизнь.

4 *Замок Тамары*—так Ермолинский шутливо называл супругу писателя Вс. Вяч. Иванова Тамару Владимировну (урождённая Каширина, 1900—1995)

5 Николай Николаевич Ляшко (настоящая фамилия — Лященко; [1884—1953](#)) советский прозаик.

6 *Александр Григорьевич Габричевский* (1891–1968)—литературовед, искусствовед, переводчик.

7 Речь идет о Наталье Северцевой, до этого жене Габричевского, а на этот момент – жене художника Р.Барто, хотя вскоре они снова сошлись с Габричевским.

8 Имеется в виду, Пётр Устинович Бровка (1905 — 1980), белорусский писатель, поэт и переводчик, драматург, публицист.

9 Имеется в виду Пётр Фёдорович Глэбка (1905-1969), белорусский поэт, драматург, переводчик.

1081 *Виктор Яковлевич Типот* (1893–1960)—драматург, эстрадный режиссер.

11 Вторая жена И.Меттера [Таисия Златогорова](#) (Татьяна Семёновна Гольдберг, 1912—1950), сценаристка, врач, впоследствии жена сценариста [А. Я. Каплера](#).

12 *Израиль Моисеевич Меттер* (1909–1996), писатель.

13 *Александр Яковлевич Каплер* (1904–1979), драматург.

14 *Василий Алексеевич Десницкий* (1878–1958), литературовед.

15 *Дядя Федя* – речь идет от дяде Марики Чемишкиан-Ермолинской - Беренштаме Ф.Г.

16 *Юрий Соломонович Крымов* (наст. фам. Беклемишев, 1908–1941)—писатель, автор романа «Танкер “Дербент”».

17 *Виссарион Михайлович Саянов* (1903–1959), поэт и прозаик.

Сейчас получил телеграмму от Крымова и Файнциммера¹⁸, в которой они сообщают мне, что «Танкер»¹⁹ принят Комитетом! Ужасно интересуюсь подробностями.

Честно говоря, куча всяких беспокойств мучает меня: «Танкер», затем—не влип ли я с «Законом жизни» (подчеркнуто следователем – НГ), затем—что там с «Артамоновыми»²⁰... Все это—кроме «Машеньки»... Неужели с «Танкером» все благополучно? Прямо не верится.

Маша, Маша, зачем нужно возвращаться в Москву! Здесь так хорошо: тихо, ветер, солнце, красиво очень, нет бесконечной, страшной, душной, московской суеты, дел московских, бессмысленной трепки нервов. <...>. В Москве можно только заболеть! Если бы ты знала, как я ненавижу город.

«Машенька» получается хорошо. Но вижу—сколько будет глупых разговоров. Лучше не думать. <...>.

Крепко тебя целую, моя любименькая.

Твой Сережа.

Привет Мансуровскому переулку».

Из огромного количества писем (их было 450—среди них было очень много от известных людей, в т.ч. от М.А.Булгакова) осталось одно-единственное, приведенное выше (остальные были уничтожены. Это письмо Ермолинского, которое в 90-е годы было передано ФСБ родственникам вместе с копиями допросов. Следователь тогда нашел упоминание о «Законе жизни» и подчеркнул его красным карандашом. «Не влип ли я с «Законом жизни»», - пишет Ермолинский Марике, - слухи о чудовищных событиях вокруг картины уже всем известны.

Напомним, что С.А.Ермолинский будет арестован в ноябре 1940 года. Почему-то иногда получается так, что событие, кажущееся в жизни малозначительным, вдруг начинает играть в судьбе чуть ли не решающую роль. История со сценарием «Закона жизни» была почти забыта С.Ермолинским ...

Тем временем, изгнанный отовсюду Авдеенко, уезжает с женой и сыном на Донбасс. Там он совершает самый разумный в те времена поступок, идет снова работать в шахту помощником машиниста врубовой машины. В этом было великое преимущество шахтера перед интеллигентом-очкариком.

А арестованный Ермолинский 24 ноября 1940 года дает через день показания именно о фильме «Закон жизни».

Протоколы допросов Ермолинского делятся по содержанию почти на две равные части: в одной из которых говорится о переработке сценария «Закон жизни», а в другой—о доме, связях и содержании творчества М.А.Булгакова. Можно сказать, что половина допросов была «киноведческой», а другая половина—«литературоведческой». «Совместить» две эти линии следователям так и не удалось.

¹⁸ Александр Михайлович Файнциммер (1906–1982)—кинорежиссер, постановщик фильма «Танкер «Дербент»».

¹⁹ Фильм «Танкер «Дербент»» вышел на экраны 9 июня 1941 года.

²⁰ Фильм Г.Л.Рошала «Дело Артамоновых» вышел на экраны 8 октября 1941 года.

Протокол допроса от 25 ноября 1940 г.

Начато в 1 ч. 50 м.

Окончено в 3 ч. 25 м.

Ермолинский

1900 года рождения, урож. Г. Вильно,

беспартийный, кино-сценарист.

Вопрос: Дайте оценку кино-сценарию «Закон жизни», в переделке которого Вы принимали участие?

Ответ: Фильм «Закон жизни» неверно отражает жизнь нашей студенческой молодежи и является таким образом клеветническим изображением ее. Одним из важнейших пороков фильма является слабо развернутый образ положительного героя, в то время как образ врага, морально разлагающего молодежь, показан более развернуто и сыгран более убедительно.

Вопрос: Чем же объяснить, что Вы согласились опробировать явно антисоветский сценарий?

Ответ: С предложением ставить сценарий писателя АВДЕЕНКО ко мне обратились после того, как сценарий был утвержден, пущен в производство и ряд сцен заснято. На совещании в комитете, на котором были представители студии: Вайсфельд Илья Вениаминович и ТРАУБЕРГ Илья Захарович, представители комитета Зельдович Григорий Борисович и режиссеров: СТОЛПЕРА Александра Борисовича и ИВАНОВА Бориса, Я дал отрицательную оценку сценарию, квалифицируя его пошлым, выше указанные лица меня убедили в том, что замысел АВДЕЕНКО интересен, но сценарий нуждается в поправках и просили меня помочь студии и режиссерам так, как работа начата и уже затрачены средства.

Считаю ошибкой со своей стороны, что поддался этим доводам и переоценил свои возможности, как теперь очевидно сценарий нуждался не в доработке, а в коренной переделке и коренном пересмотре замысла. То обстоятельство, что на мою работу дали десять дней для выполнения этой работы, свидетельствует только о переделке, а не о такой коренной переработке. Эту работу я проводил при участии режиссеров СТОЛПЕРА и ИВАНОВА. Нам казалось, что внесенные исправления сделали сценарий приемлемым и к сожалению руководство комитета нас не поправило и не указало на то, что основные пороки сценария АВДЕЕНКО не изжиты.

Взялся же я за эту работу из искреннего убеждения, сделать сценарий АВДЕЕНКО приемлемым, а давая оценку сценарию АВДЕЕНКО как пошлый, я не уяснил себе в достаточной мере всю его политическую вредность.

Вопрос: Ваше согласие на производство антисоветского сценария, есть результат ваших антисоветских убеждений.

Следствие настаивает, чтобы Вы рассказали о своей антисоветской деятельности.

Ответ: Я никакой антисоветской деятельностью не занимался и поэтому мне рассказывать по этому поводу нечего. А свое участие в поправках сценария АВДЕЕНКО считаю большой ошибкой, но не антисоветским поступком.

МД.

Протокол записан с моих слов и мною прочитан.

С.Ермолинский

Допросил: ОПЕРУПОЛНОМОЧЕННЫЙ 5 ОТД. 2 ОТДЕЛА ГУИБ МЛ.ЛЕЙТЕНАНТ ГОСУД.
БЕЗОПАСНОСТИ

(ГУСЕВ)

Протокол допроса

Обвин. ЕРМОЛИНСКОГО Сергея Александровича

от 24 и 25 декабря 1940 г.

Допрос начат в 14 ч. 55 м.

Окончен в 15 ч. 55 м.

Вопрос: Расскажите об антисоветском существе кинофильма «Закон жизни»?

Ответ: Политическая вредность фильма «Закон жизни» заключается в том, что взятая в фильме тема трактована ошибочно, а советская действительность изображена неверно.

Избрав своим материалом жизнь советского студенчества и выдвинув на первый план вопросы любви, фильм этот должен неизбежно говорить о моральном облике советского молодого человека. Борьба с ОГНЕРУБОВЫМ – проповедником половой распущенности и циничного наслаждения жизнью, должна была раскрыть морально содержание советского студенчества, органически не принимающего «теорейки» ОГНЕРУБОВА.

В самом деле советская молодежь, вышедшая из народа, здоровая, целеустремленная не могла столь легко (как это сделано в фильме) соблазниться пышной фразеологией ОГНЕРУБОВА, поддаться его мнимому авторитету и попасть под его влияние.

Если бы ОГНЕРУБОВ действовал в среде буржуазного студенчества, его успех был бы объясним. В этой среде он нашел бы немало молодых людей, рано пресыщенных жизнью, развращенных праздностью и падких на различные «теорейки» огнерубовского толка, столкновения ОГНЕРУБОВА с советским студенчеством закономерно должно было вызвать активный протест со стороны самой молодежи. И силы, противостоящие ОГНЕРУБОВУ должны проявиться с неменьшей, а большей полнотой и яркостью, чем мнимые силы ОГНЕРУБОВА.

ОГНЕРУБОВ занял центральное место героя фильма, он был наделен поступками, он был активен, он полно и широко излагал свои взгляды – чуждые советской действительности.

Студенчество, противопоставленное ему, представляет собой инертную, безвольную массу, неспособную мыслить и неспособную действовать.

Такая среда не могла не нанести поражение ОГНЕРУБОВУ. ОГНЕРУБОВА разоблачил случай, раскрытие его связи с Ниной. И если бы ни этот случай, то неизвестно насколько бы далеко простерлось бы разлагающее влияние ОГНЕРУБОВА.

На примере семьи БАБАНОВЫХ видно, что ОГНЕРУБОВ легко и безнаказанно разрушил семью, породил в ней моральную травму, Нина покорно скрывала преступление ОГНЕРУБОВА по отношению к себе и к своему сыну, а вся семья жила с настроением какой-то угнетённой обреченности.

В результате такого соотношения сил в фильме и создалось неверное, фальшивое представление о советских людях.

К этому следует прибавить литературные особенности сценария АВДЕЕНКО. Тяготение к пошлым ситуациям, словесная безвкусица, ложная «многозначительность».

Тут можно найти известную традицию позволяющую сравнивать писания АВДЕЕНКО с такими произведениями, отвечающими на модные «половые проблемы», какие появлялись в дореволюционные годы и имели успех у обывателя.

Это: арцыбашевский «Санин», романы Вербицкой, Линд и другие.

Вопрос: Следовательно сценарий является антисоветским?

Ответ: Сценарий «Закон жизни» назвать антисоветским я считаю неточным, а определяю его как политически вредный.

Вопрос: Сценарий «Закон жизни» политически вредный. Однако вы приложили свою руку к нему по выпуску его на экран.

Ответ: В то время сценарий «Закон жизни» я квалифицировал, как пошлый и плохой, но не дооценивал его политической вредности. Это мне стало ясно значительно позже, когда фильм был готов.

Вопрос: В каких целях вы участвовали в переделке и редактировании пошлого сценария. Зная, что он пошлый.

Ответ: Не дооценивая политической вредности этого сценария и считая, что можно исправить его пошлость, я взялся за эту работу так, как искренне желала помочь съемочной группе, которая начала уже работу над постановкой.

Вопрос: После вашей переделки пошлость сценарий «Закон жизни» остались, что же вы делали?

Ответ: Мои переделки, как мне казалось, в ряде мест улучшили сценарий, а особенно в части расширения, роли положительного героя ПАРОМОВА. К сожалению, в постановке не удалось из этого образа создать такой образ, который по своей яркости и силе мог бы противостоять образу ОГНЕРУБОВА.

Вопрос: Ведь не только в постановке, но и в вашем варианте образ ПАРОМОВА не создан противостоящим образом ОГНЕРУБОВА. Бросьте заператься, говорите истинную причину в создании антисовет. сценария.

Ответ: Я считаю, что в моем варианте попытки увеличить роль ПАРОМОВА намечена правильно, но недостаточно. Никаких других побуждений, кроме желания помочь съемочной группе я не имел и иметь не мог.

Вопрос: Вас побудили участвовать в переделке сценария. «Закон жизни» ваши антисоветские взгляды. Следствие настаивает, чтобы вы рассказали о своих истинных намерениях.

Ответ: У меня никаких антисоветских взглядов не было и нет. Участвуя в доработке сценария «Закон жизни» я хотел помочь режиссерам, в которых творчески верил у которых, в процессе съемочной работы встретились трудности.

Вопрос: Вы помогли явной антисоветский сюжет фильме замаскировать, в целях его выпуска на экраны.

Ответ: Нет. Таких задач у меня не было. Я пытался сценарий исправить.

Вопрос: Вы знаете, что ваши поправки не исправили антисоветский сюжет сценария?

Ответ: Нет, сдавая работу я полагал, что мне удалось сценарий улучшить.

Вопрос: Сценарий «Закон жизни» с АВДЕЕНКО вы обсуждали?

Ответ: Сценарий «Закон жизни» один раз я обсуждал с АВДЕЕНКО совместно с режиссерами СТОЛПЕРОМ Александром Борисовичем и Борисом ИВАНОВЫМ и редактором студии «Мосфильм» Ильей Вениаминовичем ВАЙСФЕДЬДОМ. Сопровождение по сценарию «Закон жизни» состоялось на квартире у АВДЕЕНКО после того, как мои доработки были готовы. АВДЕЕНКО, как автор окончательно редактировал этот сценарий. Больше обсуждений у меня с АВДЕЕНКО не было.

Допрос прерывается.

Допросил: ОПЕРУПОЛНОМОЧЕННЫЙ 5 ОТД. 2 ОТДЕЛА ГУИБ МЛ.ЛЕЙТЕНАНТ ГОСУД. БЕЗОПАСНОСТИ

(ГУСЕВ)

Ермолинский однообразно и скучно отвечал на вопросы следователя о переработанных им в сценарии образах Огнерубова и Паромова. По его ответам видно, что он хорошо был знаком с текстом статьи из газеты «Правда», поэтому следователь, сколько не старается никак не может повернуть допрос в свою сторону. Драматизм происходящего выдает два слова: «Допрос прерывается». Разумеется, это были не спокойные, дружеские беседы; после нескольких таких допросов следователь-«кинокритик» лишил его почти всех зубов.

Идет подробный разбор сценария. Не более того.

Существует еще два таких же допроса от 21 января 1941 и от 3 февраля 1941.

Приводить их полностью не имеет смысла, потому что они ровно о том же. Следователь требует от Ермолинского признаться в антисоветских поправках, а то повторяет то же самое.

А вот из создателей фильма никто, как ни странно, не пострадал. При этом никто из них, даже не представлял, за что был арестован сценарист Ермолинский и какие вопросы задавали ему на допросах. И это неудивительно: откуда же они могли знать содержание его дела, если даже годы спустя Сергей Александрович не рассказывал об этом даже своим близким товарищам-режиссерам.

А Александр Авдеенко продолжал трудиться в шахте Донбасса. С началом войны в 1941 году он написал письмо Сталину, в котором просился добровольцем на фронт, чтобы смыть свою вину кровью. Однако ответа не получил.

Как говорил его сын, Авдеенко начав писать для фронтовых газет, безуспешно посылал очерки в «Красную звезду», пока один из них — «Искушение кровью» (о бывшем офицере, совершившем в [штрафбате](#) подвиг) — редактор газеты [Давид Ортенберг](#) на свой страх и риск не послал с фельдсвязью Сталину. И ночью получил от него телефонный звонок: «Можете печатать. Авдеенко искупил свою вину». Его вернули в Союз писателей и в партию. Но вся последующая более-менее благополучная жизнь писателя была непрерывным внутренним диалогом со Сталиным.

Ермолинский же как было написано выше, отбивал все эти годы ссылку, в ожидании того, когда тиран, наконец, освободит всех из заточения.

4 октября 2016 года Минюст РФ внес Международный Мемориал в реестр «некоммерческих организаций, выполняющих функцию иностранного агента». Мы обжалуем это решение в суде.